

ОКРАИНА

№ 2. 2002 ГОД

ЛІТЕРАТУРА

г. Череповец

Мудрецы говорят:

хорошее вино – старое вино.

Но мы не мудрецы.

**И то, что материал за 2001 год
вышел в 2002-м нисколько не
говорит в нашу пользу.**

**Впрочем, лучше поздно,
чем никогда. Тем более,
большинство материала –
литературные произведения и они
старению не подлежат.**

**Но хотелось бы обратить внимание
вот на какой факт: со времени
выхода предыдущей «Окраины»
прошло более года, но никто из
критикующих и злорадствующих
не смог хотя бы даже повторить
сделанное нами. А стало быть,
всерьез воспринимать такие
выпады не стоит.**

**Как говорится,
собака лает, а караван идет.**

КНУТ И ПРЯНИК ЧЕРЕПОВЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Жалуются, что трудно в Череповце поэтам, тяжела их доля, тяжек крест... Это ерунда. Никогда еще им не жилось вольготно и весело как сейчас.

В Череповце в каждом доме есть некто, именуемый себя поэтом. Сосчитайте число домов – и вы получите легион череповецкой литературы. А между тем еще профессор М.И.Сидоренко называл таковыми не более десятка. Откуда же такое раздолье и роскошество?

От слишком легкой жизни. Сейчас поэтом себя может назвать любой. И опровергнуть его будет достаточно трудно. Если раньше контроль «литературной продукции» осуществлялся Союзом Писателей, то сейчас издавать что угодно и любыми тиражами может всякий желающий. Обесценивается внешний атрибут литературного достоинства – печатное слово.

Печатать можно все.

Такие тепличные условия литературной безнаказанности и приводят к появлению опусов, невозможных в условиях нормального творчества.

Потому что все должно компенсироваться. Уж если мы получили пряник, то будьте добры, вспомнить о кнуте.

Речь, разумеется, идет о критике. Без нее вообще невозможен нормальный литературный процесс, а уж у нас в Череповце – тем более. Ведь череповецкая литература только-только начинает осознавать свою самобытность и непохожесть даже на ближайших соседей. Только-только начинает формироваться череповецкий центр притяжения литературы. В таких условиях, роль критики наиболее важна.

Но и критика у нас только-только формируется. Причем, с зубовным скрежетом и, как бы, мимоходом.

Причин тому несколько.

Во-первых, не все еще осознали значимость череповецкой литературы, а стало быть – необходимость в ее критическом осмыслении. Наша уважаемая провинциальная интеллигенция как всегда отстает от жизни, поэтому ее время от времени необходимо подпирать.

Во-вторых, как-то и боязно критиковать своих: глаза выдерут.

Потому и видим мы везде только хвалебные рецензии и предисловия. Нет слов – искать

сильные стороны череповецкой важное занятие, только однобокое.

Но самая главная причина даже не в этом. Для того, чтобы быть критиком – мало иметь хороший вкус и начитанность. Необходимо иметь свои взгляды на литературу, на перспективы ее развития, на ее назначение и место в обществе. Это создает глубину (третье измерение) критическому анализу. Белинский, Майков, Григорьев, Михайловский – смотрели на литературу с разных позиций, но все они великие критики, потому что смотрели на нее именно так.

Думается, со временем будут критики и у нас. Пока же хотелось бы отметить одну неприятную особенность: защищать череповецкую литературу практически некому. Удивляются: почему вологжан все знают, а черепан нет? Говорят чуть ли не о заговоре. А разгадка проста: не имея своей критической традиции, Череповец не может вести на равных диалог с той же Вологдой. Вологодская литература имеет свое узнаваемое лицо именно благодаря деятельности ее критиков, каковых у нас нет. И ничего тут не поделаешь. Даже если перенести штаб-квартиру Союза Писателей в Череповец – это картину не изменит.

Вот почему развитие литературной критики в Череповце – дело первоочередное.

Конечно, многим это не понравится. Многие хотели бы быть первыми парнями на деревне, выпуская очередные тиражи «нелицензированной продукции». Конечно, будут обижаться, может быть и смертельно. Возможно, будут и попытки повернуть историю вспять. Но все это закономерная болезнь роста череповецкой литературы. В любом случае – она неизбежна.

Важно понять: чем быстрее мы приступим к созданию своей критической мысли, тем меньше нас будут упрекать в никчемности (хотя, признаемся себе, в этих словах много суровой правды).

Р.С. Издание «Окраина» приглашает к сотрудничеству всех, кто чувствует все себе искру духа Белинского и Григорьева. Пишите в наш адрес. Всем миром мы справимся.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВ

Что мы знаем о поэтах нашего города? Весьма мало. Даже о признанных. А тем временем земля Вологодчины, а точнее Череповец готовит им достойную смену. Кто знает, может быть спустя лет десять-двадцать Васильев Николай будет славить наш город не меньше Верещагина. Ему 13 лет. Учится в школе №7 с физико-математическим уклоном, что объясняется лишь случайным стечением обстоятельств, и ни капли не устраивает юного поэта.

Около одного года он занимается в литературном кружке, которым руководит Чусова Валентина Дмитриевна (ДДЮТ). Из увлечений мы отметим, Бродского и русский рок. Божественное, религия, вообще говоря, занимает огромное место в его жизни и творчестве. По мнению Николая в человеке главное душа, а душа - это совесть. У него четкое деление жизни на белое и черное, что отражено в стихах

Симплов Д. Ф.

Гроза и город

Волны гложут берег,
Ляцкая челюстями лодочных причалов.
Набросок неба с водою сверив.
Ветер, развихрившись в досаде поначалу,
Замазал весь холст серым корректором
И рванулся в холод ожелезненноного камня.
Где дома, не найдя постоянного вектора,
Рассыпались, крышами вигвамясь.

А потом гром — искры из глаз, зверюга древнее моря, -
Прорычал разъяренную брань
И, словно взбесившийся столяр,
Воздух крошил, как стекляшкину грань.
Какой-то волк, потеряв обличье,
Всунулся в водяную шкуру и ливнем назвался
И под медвежьего грома звучание рычье
В улицы, парки, проспекты вгрызался.

Вдруг Городу, небесной яростью обгрызанному,
Солнце вырезилось из сонных облаков.
И лужи, в неба осколках издрызганные,
Высветились пятнами солнечных мазков.

Осень

В отражении лужи – только небо и я
 А дома – лишь мазки на сыром холсте,
 И быть может, зря и, быть может, не зря
 Я куски Сентября на те и не те
 Делю, пытаюсь собрать ответ
 На вопрос, которого, в сущности, нет.
 На вопрос, которого в сущности нет,
 Я зачем-то пытаюсь собрать ответ

Вопроса нет, его ветер сдул
 Прихватив попутно охапку улиц
 И я знаю, что города шум и гул –
 Лишь дымящийся осколок пролетевшей пули
 За геометрию железных дорог
 Ветер уносит бродячее лето.
 На блюз сменив тяжелый рок,
 Осень ворошит прожелтевших листов смету.

Шагом ботинок, пропахших прибоем,
 Запахом стужи заряженной в револьвере,
 Октябрь в город одиноким ковбоем
 Входит, пинком раскрывая двери.
 Скоро будет шаманить Декабрь,
 Скоро солнце зажжется белым огнем.
 Но пока на тротуаре сидит Октябрь,
 Целясь в воспоминания, пролетающие день за днем

Как видим, тематика пейзажная. И, что отраднo, автор не пытается оперировать штампами литературного пейзажа, чем часто грешат и маститые. Город – это «челюсти лодочных причалов», «холод ожелезненного камня» и «геометрия железных дорог». Иным городской пейзаж и не может быть. Именно это отражает и выражает его душу. А коровок, лошадок и прочую ересь оставьте деревенщикам! Автор выделяет то главное, что составляет основу городского пейзажа. Бесспорно, это достижение.

Кроме того, пейзажная тематика у Васильева не простое, пусть и красивое описание, а лишь форма для передачи более глубокого смысла. За образами Октября и Декабря разве только погодные явления?

Конечно, не обходится и без недостатков. Так, например, влияние Маяковского очень уж сильно. Сильнее, чем допускают нормы приличия. Можно, конечно, думать, что возрастное. Но Наряду с этим, творчество Николая Васильева содержит в себе столько не по годам зрелого, что задаешься вопросом: да может ли тринадцатилетний подросток написать такое? Поэтому сплав с инфантилизмом дает результат весьма и весьма удивительный

Рождество

Однажды один молодой человек
 Совсем не подозрительной наружности
 Летел над хвостами огненных рек,
 Пересекал уличных водоворотов окружности

Город искрился, забыв о звездах
 Город шумел, помня лишь железа лязг.
 Ночным автомобилем пучки света раздав,
 Город зажег свой неоновый глаз

Но восемь концов Бытия
 Проткнули, как копья, занавесь дымьего крема!
 На древа вершине сильнее огня
 Горит звезда Вифлеема!

То Ангел снегом на крыши слетел,
 Со звездой на руках пересек дороги бурлящее жерло,
 В хвое еловой прошлелестел...
 И город стал большая пещера

И люди стоят и чего-то ждут
 Вдруг вспомнили – ведь если время повернуть вспять,
 В пещере, ну прямо почти как тут,
 Родит Сына Божьего Дева Мария – безгрешная Мать...

Церковный колокол ударил печалью
 В ночь, которая расплакавшийся город успокоили еле-еле
 И город, бывший холодной сталью,
 Свернулся ребенком у матери в колыбели

Вопрос-шаргалка: В школе нормально учишься? К урокам готовишься? Книги читаешь?

Ответ: Да. Бродского

Вопрос-допрос: А скажи ка нам, Николай, откуда в твоих стихах вигвамы, может у тебя есть родственники-индейцы или ты в прошлой жизни индейцем был? А может ты вообще, язычник?

Ответ: Нет. Я – христианин, православный. Бог един.

Вопрос-намека на толстые обстоятельства: как в твоей голове возникают стихи? Давно ли ты страдаешь поэтическим творчеством? Можно ли считать твой дар результатом наследственности?

Ответ: Отец увлекается русским роком. Я тоже предпочитаю русский рок, так как в песне главное – содержание, форма на втором месте. Стихи специально не сочиняю, они просто появляются. Свои стихи помню наизусть. Пишу стихи недавно. Мама записала меня в литературный кружок Чусовой.

Вопрос-обманка: В твоих стихах мое внимание привлекли две темы: ножи и мечи. Например «Мечи из февральских цветов», «Я воткнул в день нож», «Дождь – это индеец с копьем».

Ответ: Я люблю октябрьский дождь.

Вопрос-догадка: Думается мне о твоей личности, Николай, что ты крайний идеалист и абсолютист: с точки зрения идеологических позиций мечтаешь о Конечном.

Ответ: Меня очень интересует, что такое число и что такое слово. Но, к большому сожалению, в школе про это никто не рассказывает. А ответ – прост. Слово это Бог.

Вместо послесловия: «И город, бывший холодной сталью, свернулся ребенком у матери в колыбели»

День укатился куда-то на запад
Окончательно промокнув под проливным дождем
Небо, продравшись, наконец сквозь облачную вату
Как-то по-женски, с зажженным лунным фонарем.
Взволнованно, сбивая каблуки.
Спустилось к крышам посмотреть на город.

Все так же вертятся улиц круги,
Лишь вечер фонарями вспорот.
А внизу, в отражении луж,
Где плач бесполезно прятать,
Виднеется чье-то заплаканное лицо
Все в слезинках звезд.

«Зачем плакать? Не надо плакать!» -
Ветер виновато произнес
И умолк, не зная что сказать.
А небо, слез не вытерев,
Никак не желало отправиться спать.
До утра пролежав на крышах
В своем черном свитере.

Городской сонет

Любит ли кого-нибудь простой городской дворник?
Любит, да еще как!
Он, городских улиц портной и шорник,
Влюблен от ботинок до кончиков волос, вот так:

Моя любимая – на крыше небоскреба,
Моя любимая – у заводского дыма берегов
Я б для нее отчистил небо, всю грязь с неба отскреб бы.
Я б для нее стянул весь мусор с облаков!

Гудком луча весь город пробуждает,
Чтоб снять с нее чары сна
Железных джунглей почки раскрывает
Моя любимая – Весна!

Такая вот любовь у дворника,
Городских улиц портного и шорника!

Ком дня

Ветер бродил по проводам
 Над бурлящим Ниагарой автомобильным потоком.
 Шумы кидая квартирным кубам,
 Улицы спутались ниток мотком.

Солнце к зениту катило колесо,
 Плавя асфальт в железобетонной домне.
 Ветер, пьяный, куда-то ушел
 От солнечной настойки себя не помня.

Красное солнце небу вспухло
 Как шар бильярдный. Спихнуть бы в лузу!
 А в конторах армия гроссбухов бухла и бухла
 Выпячившись в одно гигантское пузо.

За ним корпорации, офисы и прочий стандартный деловой набор
 Полер небоскребами гигантясь,
 Да так, что трескучий пустой разговор
 Застрял, как корова в серванте

В воздухе ошалевшем обрывки фраз:
 «Кабинет №10..., как дела?..., обратитесь к заму»
 По коридорам носится за разом раз
 «Это бухучет, а не телеграмма!»

Небо такой Вавилон
 Терпеть не имело никакой возможности.
 Попросту Солнце крикнуло: «Вон!»
 И то к себе в пекло укатилось осторожно.

Как воин ниндзя, ночь кралась
 По притихшему городу мягким шагом
 Но как ни старалась, а все ж нарвалась:
 Фонари загорелись восклицательным знаком.

Напоследок: для тринадцати лет, Николай Васильев обладает великолепной поэтической техникой. Заслуга в этом - В.Д. Чусовой, в кружке которой он занимается. Думается, этот кружок о себе еще заявит. А это говорит о перспективности его работы. А также намечает еще одну сторону.

А.В. ЧУКАРАНКА

Человек

1. Это было в те времена, когда звери и человек говорили на одном языке.
2. Тогда человек был слабым и ничего не умел. Звери обучали его всему, что знали сами.
3. Но однажды человек спросил у зверей: «Почему вы боитесь огня?»
4. Звери объяснили ему, что огонь губит лес, и дружба с ним до добра не доведет.
5. Но ведь огонь греет», - возразил человек: «Огонь освещает ночь. На огне можно готовить еду».
6. «Но разве нам холодно? Разве ночь нужно освещать? Разве еду нужно готовить?» - удивились звери.
7. «Да, вам не нужно. У вас теплая шерсть. У вас зоркие глаза. У вас острые зубы», - сказал человек: «А я зимой мерзну. Ночью ничего не вижу. Ваша еда слишком груба для меня».
8. «Зачем же ты нужен, такой слабый?» - удивились звери.
9. Ничего не ответил им Человек и ушел из леса навсегда.
10. С тех пор звери и люди больше не говорят на одном языке.

АЛЬФРЕД ХОХРЯКОВ

Лета дух над дорожкой лунной
 Потревожу гитары дрожащей
 струной
 Нетерпенье беспечности юной
 Вдруг охватит зеркальной волной
 И тогда обновляются клетки,
 Удаляя скопившийся шлак
 Мне оттуда ушедшие предки
 Подадут одобрения знак

ГАЛИНА КОНСТАНСКАЯ

Тоска, тоска зеленая!
 Пал первый снег,
 Поля, как побеленные...
 Снег первый, чистый,
 Мягонкий!
 А на душе тоска, тоска.
 А радости ни капельки!

ВАЛЕРИЙ МИТРОФАНОВ

Не бросай мне под утро в оконц
 Голубые нежные цветы...
 Знаю, ты красивая, как солнце
 От своей недетской красоты.

Но зачем, зачем играть со мною?
 И зачем заглядывать в окно?
 То что будет – мне муже знакомо.
 То что было – кануло давно.

Ты красива с нежными цветами,
 Но не ты, другая мне нужна,
 С голубыми сказочными снами
 И сама из сказочного сна!

БАРМАЛЕИ

Через нежную бумагу
 Прорывается слеза
 И не то, чтобы слеза
 Просто так себе слеза
 Через нежную бумагу
 Прорывается слеза

ВИКТОР КИЧКАРЕВ

Ваня опоздальщик

Жили-были три брата. Старшие уродились молодцами хоть куда, вот только младшенький Ванечка всюду опаздывал. На кухню он являлся, когда Антоха с Тимохой уже облизывали ложки и лениво поднимались из-за стола. Соберется погулять – а другие ребята, набегавшись и наигравшись, сидят перепачканные и на Солнышко щурясь, зыркают. Возьмется было, собирать авиалайнер с пропеллерами, глянть – это уже не модно – братья вовсю стругают длинные деревянные мечи... Но однажды Иван зазевался и опоздал вовремя захлопнуть рот. В результате чего ему пришлось проглотить Волшебную стрекозу. Теперь он умеет ходить семимильными шагами, может запросто поднимать и опускать автомобили, а также раздувать дождевые тучки. А еще Ванечка – вечный опаздывальщик стал летать не хуже любой птицы! Иногда он берет своих братьев, - одного на спину, другого на загривок, как Карлсон и везет их путешествовать, по Азиям с Африками. Вовремя ли, не вовремя они приземляются и взлетают – никто пока не засекал.

ОЛЕГ ПРОНИЧЕВ

Холодные сумерки. Дым сигареты
 Сентябрь поселился в провале окна
 Свиваются дни незаметно в сюжеты,
 Сюжеты грустны, но моя ль в том вина?
 Кругом времена беспокойства и смуты,
 И лестницы круты пустых упований
 На чудо. Проекты надеждой надуты.
 Да желтые бабочки стаи желаний
 Моих дарований ветрам не осыпать,
 Как листья за пыльными окнами в сквере
 Чем жизнь мне измерить,
 Чтоб горя не мыкать.
 Ошибки влетая в свету суеверий?
 Связав себя узами долга и чести.
 Хоть тресни, но даром отдай свои годы.
 Живу в моем доме с сомнением вместе
 И жду для себя подходящей погоды.
 Ведь бабочки в дождь никогда не летают,
 А осень надолго в душе поселилась.
 Все холод, да сырость и листья-медали
 На кленах, с которыми жизнь приключилась.

СЕРГЕЙ СОЗИН

Я эмигрировал в себя

Решенья приняты давно:
 Мне остается ждать и верить...
 Души распахнуто окно.
 И для души раскрыты двери
 Что с нами будет – суждено.
 А что случится – то случится
 Чертой мечты обведено
 Твое лицо и эти лица
 Я эмигрировал в себя...
 Меня найти здесь невозможно
 Я знаю: тело – западня
 Тому, что выразить несложно
 А я свободен... Я лечу...
 Полет ничто не омрачает.
 И я Вам многое прощу.
 Что Бог прощать не запрещает
 Я эмигрировал в себя...

Т. М. НОСОВА

Дом

Хорош, ухожен этот дом.
Но что ж закрыты ставни в нем?
Хоть над трубой и вьется дым.
Дом мертвым кажется, пустым.

Ступил бы на его порог,
Да взгляд хозяйки хмур и строг.
Сверкает чистотою дом.
Но нет, увы, уюта в нем
И коль друзей-гостей не ждут,
Ни смеха, ни улыбок тут.

Окажешься здесь невзначай –
Предложат сесть, поставят чай...
Манер изысканных набор
И скучный светский разговор.
Потом проводят за порог
А взгляд все так же хмур и строг.

И не захочется сюда
Уж возвращаться никогда.

... Жасмин и розы под окном
И все ж не манит этот дом.
В нем нет душевного тепла.
И к дому тропка заросла.

АЛЕКСЕЙ ВЕСЕЛОВ

Порвать разом
Все нити!
Предупредить работу
Парок.
Удивятся
Боги
Увидев.
Как бесстрашно
Пью я
Из чаши Сократа

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

Храбрые зайцы

Расхрабрились зайцы
На могиле льва
Пляски, танцы-рванцы.
Бранные слова, -
Матерят без страха.
Всячески клеймят,
И костями праха
Без конца гремят.
Больше всех хвалился
Самый молодой...
Вдруг зашевелился
Холмик земляной...
Заяц от испуга
Аж позеленел.
Сжался и без звука
Тут же окопел!

ТАМАРА

Скоро день святого Валентина,
Нелепый праздник с глупыми надеждами
Скоро в магазинах начнется рутина
С покупкой открыток в форме сердец.

Ну а я вновь иду по проспекту
Среди декораций и ломаных лиц.
Ветер влетает в ветви деревьев
Легкими лентами шепота птиц.

Ботинки мои предательски промокли,
Напомнив мне о грядущей простуде
На очках от растаявших снежинок капля
И все так же безразлично смотрят люди.

Скоро день святого Валентина,
Нелепый праздник с глупыми надеждами
Скоро в магазинах начнется рутина
С покупкой открыток.

АЛЕКСАНДР СМЕЛОВ

Непонимание

Как же так? Я ведь всегда на работу приходил вовремя и посуду дома мыл и в магазины ходил и на профсоюзные собрания и не курил. Да и с работы я уходил всегда тик в тик. И жене не изменял и с детьми занимался. Никогда не играл в азартные игры, не клал ноги на стол, не грубил начальству, не хамил в общественном транспорте, не чихал на сослуживцев, регулярно ходил на встречи выпуска. Вуза и на футбол. Почему меня вчера машина задавила? Не понимаю...

НИНЕЛЬ НИКОЛИНА

ТАТЬЯНА ЖМАЙЛО

Магдалина

... Только один
принял и понял –
мой господин.
Нежной ладонью
тронул плечо,
и – вековечно.
Слезы ручьем –
радостно течь им.
Ко многим, затем –
все мимо сердца,
как мимо стен,
где не согреться.
... Этой руки
прикосновение,
звуки тихи,
прячутся тени...

Господи мой!
Простоволоса,
словно каймой,
мохом белесым –
пряжями –
и
будто младенца,
ноги твои
(дать им согреться!)
кутаю в пламени
рыжих волос.
Господи!..
Счастье-то
Довелось

Глухари

И апрельский ток глухарей,
Эти дивные, чудные звуки
Слышу ясно, стою у елей.
ВИЖУ, ВИЖУ КРЫЛАТУЮ ПТИЦУ!!!

Темно-синий сидит на сосне,
Распластались красивые крылья.
Только голос звучит в тишине,
МЕЛОДИЧНОЕ, ПЛАВНОЕ ПЕНЬЕ!!!

А потом на поляну спустились
Два красавца, два чудных самца.
Друг на друга глядят дружелюбно,
ХВОСТ КРАСИВЫЙ, В РАЗЛЕТ ДВА КРЫЛА!!!

Я смотрела, я просто рыдала...
Видя этот прекрасный этюд,
Боже дал нам зрение – спасибо,
БОЖЕ СОЗДАЛ ПРИРОДУ И ПТИЦ!!!

ГАЛИНА ОНЧУРОВА

Русь народ свой бедный
Не забудешь ты...
Он еще чаивный
И, порою, грешный,
Но душою добрый,
Чистый благородный,
Ты его спаси.
Как матушка Спасителя
Покровом защити.

ИГОРЬ ОСМИНКИН

Дары в путь

Всяко ведь обрящет мне
Матерь дары в путь
Мне бы уметь в огне
Чтобы огонь не задуть

Старый основной инстинкт
Загружает всех почем зря
И слово стрелой летит
Через леса и моря

Не хлебом единым жив
Не водкой единой мертв
Имеющий душу - красив
Имеющий уши - да поймет

Не смотришь не в свои зеркала
А иначе не сносить тебе сил.
И не суди богов по делам
И никогда ничего не проси

Дальше мне мать кладет
Ветку воскресенья верб
Флягу - вересковый мед
Краюху - ореховый хлеб

Каждый бродяжий день
Цени как зеницы глаз
И целого мира мне
Мало чтобы спеть нас

Мне нравится делать слово
И я также беру с собой
Пиво - бензин рок-н-ролла
И свою перекатную боль

Там буду, где я не был
Стержнем тот лист мять
Где между землей - небо
А землю умом не обнять

И я надеюсь найдет мне
Мама дары в путь
Мне бы уметь в огне
Чтобы огонь не задуть

ЛОГИНОВА (Шухободь)

Обман

Обман, обман, кругом обман
В душе моей неизгладимо
То впечатленье Я отдам
Своим стихам, своим картинам

И мне так хочется творить
Но нету сил Хочу забыться.
Хочу любовь свою забыть
И жизнью новой насладиться!

Я думала любовь жива!
Я думала, что он полюбит.
Но оказалось - все игра
Что буду помнить - он забудет!

Я верила его глазам
Я верила его улыбке
Ошиблась в нем Я все отдам
Не повторить бы все ошибки!

Всем говорю «Его забуду»
Себя все время убеждаю,
Но как же без него я буду?
Себе я голову ломаю

Обман, обман, кругом обман,
В душе моей все впечатлимо!
И в сердце ты обманом стал,
В моих стихах, в моих картинах

НАСТЯ ВИНОГРАДОВА

За небо зеркальное
Солнце закатится,
Солнце жаркое, солнце яркое
Солнышко милое,
Встань с утра раненько
О мальчишке миленьком
Девушке славенькой
Весть принеси

ИГОРЬ ЗАХАРОВ

Венеция

Вдоль борта мутною струей
 Вода за корму убегала.
 Вот поворот – и предо мною
 Великолепье Гранд-Канала
 Раскрылось вдруг . . . Навстречу
 нам
 Плыла такая же гондола,
 И точно так же по бортам
 Бежал узор, рельеф Зола
 Был на носу Ее рукой
 Я б мог коснуться В ней сидели
 Американцы, муж с женой
 И с восхищением глядели
 На изменяющийся вид
 Дворцы венецианских дождей,
 Соборы, паптерей гранит –
 Великолепнее и строже
 Неимоверной нищеты
 В буквально каждом переулке,
 Где на поверхности воды
 Куски газет, спагетти, булки
 Мой гондольеро напавал
 "O sole mio", и порою
 Мое вниманье обращал
 На то, как прямо предо мною
 Венецианские дворцы
 Вдруг расступались, и в проулке
 От самых крыш и до воды
 Спускался плющ, темны и гулки
 Казались улочки, где нет
 Ни тротуаров, ни прохожих.
 Лишь редкой лодки мутный след
 На стены бликами наложит
 Зигзагов сеть, и плеск воды
 О сваи эхом разнесется . . .
 И дальше взгляд скользит
 столбы
 В полоску – пристань, где
 толчется
 Уже желающих толпа
 За горстку лир нанять гондолу,
 Чтоб плыть без разницы куда:
 К автовокзалу или к молу,
 В кафе или мелкий магазин,
 Где за стеклянной занавеской
 И за мерцанием витрин
 Сверкает разноцветным блеском

Венецианское стекло
 В разнообразии поделок,
 Где и рождается оно
 В свистящем пламени горелок
 Но мне пора – уж полдень бьют
 Часы собора Санта-Марка
 И словно праздничный салют
 Взмывают голуби над жарким
 Палаццо. Несколько минут –
 И гондольеро, крикнув «Чао!»,
 Качнет весло, и побегут
 Струи за корму. На причале
 Останусь я. И что потом
 Я расскажу друзьям, знакомым?
 Фотографический картон,
 Свидетель крайне невесомый
 Покажет толику того,
 Что видел я. Но передаст он
 То, как скрипит порой весло?
 Или как дует безучастно
 В лавчонке старый стекловдув,
 Не щуря глаз от массы жаркой?
 Как напавает на ходу
 Разносчик булочек? Как арка
 Моста вдруг плесенью дохнет?
 Как мальчуган выводит соло
 «Вернись в Сорренто»? Как несет
 Теченье стройную гондолу?
 О, нет и нет! И потому
 Я покажу им только снимки
 Вот Гранд-Канал, вот я плыву
 Со всей Венецией в обнимку

ПАВЕЛ ШИРОГЛАЗОВ

Луна под небом,
 Под небом море
 Ни грамма счастья –
 Три тонны горя
 Здесь нету пищи,
 Война и голод
 Война для нищих
 Для тех, кто молод

Здесь люди не верят в Бога,
 В траур носят цветную рубаху,
 Здесь жизнь до того убога,
 Что хочется лечь на плаху

АЛЕНА РОДИНА

Мой муж – вампир. Его высокий лоб
Схож с лбом аристократа и убийцы.
Он курит трубку и почти не пьет,
И по ночам ему никак не спится.

Он тонко бледен. Любит трость и мех.
Его тяжелый плащ тяжел и страшен,
Но я люблю его холодный смех,
Когда рукою легкой вслед мне машет

Так и живем мы в домике у скал.
Я по утрам кормлю голодных чаек,
Он убирает книги со стола,
Готовит завтрак и печенье к чаю

Я никогда не замечаю сор:
Мой муж по-королевски аккуратен.
И не бывает в нашем доме ссор,
Он в шутку говорит: «Живем, как братья!»

А по ночам приносит мне цветы,
Я засыпаю, как в апельсиновом ...
Чуть рассветет, – он вновь со мной на «ты»,
Но по утрам он мягче и нежнее

И пусть почти не вижу белый свет.
И вечером не сплю, переживая, –
Я знаю, что такого мужа нет
Ни у одной принцессы на Гавайях.

ЛЮДМИЛА КУЗНЕЦОВА

Напиши мне вопрос на стекле,
Что затянут печалью нездешней.
На душе распустились цветы,
Что зовутся, быть может, надеждой.
Расскажи мне осеннюю грусть,
Разноцветную радугу буден
Колокольчик звенит о любви
В свой игрушечный маленький буден

ВАСИЛИЙ ЛЮБАКИН

Из стихотворения
«Исключение из правил»

На затылке он кепи поправил.
И с улыбкой кривой на устах,
Был всего исключением из правил,
А казалось, что был вертопрах.

Пил вино, тискал женщин украдкой.
Матерился на весь божий мир.
И немного, ну так, для порядка,
На бумаге строку выводил

А строка – исключение из правил –
Обжигала и била слезу.
Потому что не врал, не лукавил,
Говоря, что идет на грозу.

Проводами шуршал он в соломе,
Уносился в далекий Багдад,
Пролетал над бушующем морем,
Сокрушаясь, что мир маловат.

И короткою жизнью выжжет
С давних пор и на все времена,
Что Россия не правило жизни.
Исключение из правил она.

СЕРГЕЙ ИГРАЕВ

Старик и осень

Бежать в листве
Осенним утром,
Вдыхать мохнатый мох,
Деревьев запах!
Впадаю в детство,
Падаю, смеюсь,
Ползу на пузе,
На спине.
Я докажу тебе, себе,
Что я не старый!
Всего лишь 70 годков
Вчера прожил я.

ДМИТРИЙ КАЛАШНИКОВ

Голова Медузы Горгоны

Она катилась по обрыву вниз, тщетно цепляясь щупальцами волос за камни. Сила всемирного тяготения звала ее к себе в гости, но Горгона не хотела в гости к убийственным черным камням и синим струям туманной пропасти, она хотела жить.

И вот одно щупальце зацепилось за какую-то корявую ветку – голова повисла. Горгона вцепилась в маленькое деревце всеми своими мыслями, а потом и всеми щупальцами, которых у нее было очень много.

На стене пропасти под деревцем, на котором еще болтались маленькие красные яблочки осеннего урожая, был небольшой выступ, а рядом с ним нора, у норы сидел суслик и испуганно глядел вверх: «Эй ты, мелюзга, сними меня и затащи к себе в нору!» – закричала она: «А то я разорву тебя!»

Суслик съежился и стал похож на голодного ежа. Он полез вверх и стал неловко отцеплять ее спутанные щупальца от веток, наконец, это ему удалось, и вся Голова вместе с ним рухнула на каменный выступ.

«Тащи в нору», – сказала Горгона, облизывая губы: «У меня отсекли тело, оно осталось наверху, но я и без него хорошо себя чувствую».

Суслик подтянул Голову к норе.

«Ты живешь один?» – спросила Горгона: «Правильно, кому ты нужен, суслик с обрыва мерзкой пропасти!»

Она проникла в норку. Она упала на пучок соломы и задремала. Суслик сел рядом, сложил лапки и замер.

«Как я тебя ненавижу, крыса трепаная», – подумала Голова о суслике и вдруг захотела пить.

Пока суслик ползал за водой на горный ручей, она потихоньку стала приходить в себя.

«Я инвалид», – подумала Горгона: «И былая слава, былые победы теперь позади, теперь я окончательно одна».

Голова заплакала.

Когда суслик втащил в нору чан с водой, ее глаза были уже сухими. Она сказала: «Суслик, скинь меня обратно, я не хочу мучаться больше. И зачем ты встретился мне со своим деревом?!»

«Я посадил его на обрыве именно для того, чтобы когда-нибудь за него кто-нибудь мог ухватиться и спастись», – сказал суслик: «И чтобы было с кем глядеть на жемчужно-серые струи воды, летящие вниз».

«Я ненавижу тебя и твое дерево», – сказала Горгона: «Ты ничтожное серое животное, живущее на каменной помойке...»

«Внизу смерть», – сказал суслик. Голова вспомнила про свое тело и заплакала, а он бегал с тазом и ловил слезы, как будто это были бриллианты. Горгона даже стала плакать в разные стороны, чтобы хоть как-то поиграть с ним и утешиться.

Когда суслик рухнул без сил с полным тазом ее драгоценных слез, она подумала про себя: «Ну, кто еще будет собирать твои слезы в тазы?!» – а затем перестала плакать и сказала: «Поползли глядеть на серые струи, я навсегда остаюсь с тобой!»

16

С чего же начать, как не с определения места череповецкой литературы в умах горожан? В мае 2001 г. И.В.Эпанаевым проводился социологический опрос, посвященный, так сказать, культурному уровню наших студентов. Фрагменты этого опроса, касающиеся местной литературы, приведены ниже.

У меня получился целый доклад. Можешь зачитать полностью, можешь выборно, а где-нибудь, если получится, я могу сам прийти и прочесть.»

ЭПАНАЕВ

Заявки на выступление лидера СДСД и замредактора «Нахаленка» И.В.Эпанаева, организатора рок-фестиваля «Прыжок выше головы» можно присылать по адресу: Вологодская область, г. Череповец, пр. Луначарского 144, с пометкой «Слоненку».

Уважаемые студенты, спасибо за участие в опросе!

Для меня важно, чтобы высказывало свое мнение как можно больше людей и не только тех, кого я лично знаю, а в массе, чтобы опрос был действительно объективным и было понятно, как вообще продвигается дело, которым мы занимаемся.

Перейдем к областному ироническому, прикольно-зротическому, неформально-бесбашенному, молодежно-литературному журналу «Нахаленок».

Не слышали, не знали, не читали – 41% опрошенных.

Что-то слышали, видели, но не читали – 56%. *Это немного радует, все-таки трудно раскрутить издание без спонсоров, труд не прошел даром.*

Журнал читали 12 человек (*надеюсь, это не предел*). 9 человек считают, что клево, 3 – что слишком пошло.

Ну что ж, если вы любите юмор, эротику – почитайте.

Журнал «Окраина»: те, кому журнал не демонстрировался – в основном, не знают это издание. Те, кто видел, поделились на две группы: кому-то понравился, кому-то нет («стихи одни»).

Лучшие череповецкие авторы:

Меня выделили – как это ни прискорбно – 12% за Эпанаева, причем прочитали в принудительной «Окраине». Почитайте уж и «Нахаленок»: в каждом номере – новые вещи, да и дешевле гораздо. (Я все-таки там зам редактора, сам себя печатаю). Да, кстати, еще мой сборник вышел (редкий).

На втором месте – Шебунин, затем Кичкарев (тоже автор постоянный «Нахаленка») и А.Редина и И.Шейна.

Оказывается, некоторые назвали (*подавляющее большинство не знает никого*) Кононова, Чукаранку, Калягину, Шалашова, Воронова. По двое человек отметили также Кожарина, Попова и Овчаренко.

Перейдем к фестивалю ненормальной музыки и поэзии - «Прыжку выше головы». Большинство про такое слышали, но не ходили – 54%, некоторым из них хотелось бы, а некоторым нет, а кому-то просто лень сходить было. Что ж, приходите, если любите рок (кстати, его не все любят)

41% - о «Прыжке» не слышали. 10% - на «Прыжке» бывали. Большинство понравилось.

Теперь о Союзе Друзей Слона Джамбо.

Вообще не слышали ничего об этом – 67%, что-то слышали – 27%, состоит парочка людей. Еще было высказано мнение, что это собрание идиотов.

С уважением, Игорь Эпанаев, зам.редактора ж-ла «Нахаленок», соорганизатор «Прыжков выше головы», Председатель Союза Друзей Слона Джамбо.

Вместо P.S

Опрос проводился в ЧГУ. Принимало участие 149 студентов (группы: ВПМ-21, ВММ-21, ВОМ-21; ЗП-12, ФИ-21, МИ-21, И-21; 2И-31; ПС-11,12)

Про молодежь, Родину и будущее...

Подведены итоги конкурса «Молодежь. Родина. Будущее» 1-е место занял И.Волков; 2-е места: Д.Ильченко, П.Альшевская, О.Фофанов; 3-и места: Л.Мешкова, О.Васькина, А.Веселов

Конкурс проводится Череповецким ГК КПРФ и региональным отделением СКМ.
Цели: привлечение внимания общественности города к проблемам молодежи, воспитание гражданских и патриотических идеалов в среде творческой молодежи.

МЕШКОВА ЛЮБА (школа №21, 5^й класс)

Ягенок и Утенок
(отрывок басни)

Спросил Ягенок гадкого Утенка:
«Куда ты разбежался со всех ног?
«Бегу я в школу, догоняю Поросенка,
Чтоб он мне с математикой помог.»
«Ты что, рехнулся? Грызть гранит науки
Не стал бы ни за что и никогда.»
«А я считаю лучше нету шулки,
Учиться надобно повсюду и всегда.»
Прошли года... И ясно стало нам:
Из гадкого Утенка вышел белый Лебедь.
А из Япенка – темный, лишь баран

ИВАН ВОЛКОВ (школа №10)

Кто?

Я пойду погулять и за домом своим
Встречу друга, а друг мой несет кокаин.

Отобрать захочу – назовут подлецом
Лучше мимо пройду с равнодушным лицом

А вдруг завтра не встречу я с другом
своим?

Что же делать? Ну кто отберет кокаин?

Подведение итогов дает основание утверждать, что конкурс будет традиционным. Наша литература имеет огромный потенциал в лице нового, молодого поколения.

ИЛЬЧЕНКО ДАНИИЛ (11⁰, школа №21)

А где-то здесь, среди мерцающих
 Экранов бездушных мониторов,
 Глядящих со стен, потолка – отовсюду –
 И озаряющих неммым, нелепо-ярким
 И холодным светом белый,
 Матовый и до рези в глазах
 Чистый поп, друг друга а также
 Какив-то расплывчатые лица
 В конце пустого, длинного коридора,
 Среди этих беззвучных, неосязаемых
 Даже не пахнущих и безвкусных,
 Невидимо и однозначно
 Светло-однообразных форм,
 Многократно повторяющих себя в своем
 Отражении и от этого еще более монотонных,
 В окружении полного порядка и отсутствия
 Всяческих проблем и мыслей,
 Среди готовых услужить,
 Но не помочь,
 Выслушать, но не услышать,
 Взглянуть, но не увидеть,
 Отреагировать, но не почувствовать,
 Под бдительным присмотром
 Слепых надзирателей,
 Не понимающих, кто они и где они.
 Не осознающих, спят они или бодрствуют,
 Живы или мертвы
 И существуют ли вообще,
 На задворках остывшего и
 Молчащего в чистую тряпочку
 Мира, безразличного ко всему
 Включая себя самого,
 В океане засохшей жизни,
 Отрешенный, словно
 Комок спутанной и выдернутой из
 Розетки электропроводки,
 В бездне нестрадающих
 И впустую прозябающих нестареющих
 Особей,
 Безликих и немых, тупых и от этого
 Спокойных
 И счастливых – да, именно здесь и сейчас
 Я тоже счастлив, но не как они,
 А потому, черт возьми,
 Что еще жив,
 По-настоящему жив!

И могу торжествовать над всем.
 Разбивая эти вот экраны
 Один за другим или в
 Произвольном порядке,
 Это уж как заблагорассудится
 Мне, и только мне,
 Торжествовать, от души, не стесняясь
 Никого (Господи, а кого мне стесняться?!),
 Пачкая этот мерзкий вылизанный пол
 Всеми доступными мне средствами,
 Торжествовать, плюя в мутные лица
 И пробуждая в них недоумением
 Жизнь – да, жизнь!
 Я счастлив, видя, как этот
 Проклятый мир катится в тар-тарары,
 Увлекая за собой всех своих
 Довольных им обитателей,
 Катится и расчищает место для
 Всего нового, что останется, когда
 Эта гора обломков распадется
 На части,
 Того нового, что пока таится во тьме,
 Но явственно и четко очерчено,
 Что грядет в недалеком будущем
 И, я уверен, прочно займет
 Место на этой планете.

Далее в номере:
 статья И. А. Даниловой
 «Историческое литературоведение»

ПОЛИНА АЛЬШЕВСКАЯ
(Ботовская средняя школа. 8-й класс)

Тропинка,
Покосившийся плетень,
От времени замшелый
Сруб колодца.
Зеленоглазые избенки
Деревень –
Все это Родины моей зовется
Краюху неба
На закате дня
Зальет заря
Тончайшей позолотой
И промелькнет косынка
Вдоль плетня,
То мать спешит, усталая
С работы.
Приносит ветер
Горький запах трав,
Волкуют кровь
Неясные желанья
В дыханьи матери,
К груди ее припав,
Я слышу Родины моей
Дыханье

Резюме: Обобщенный образ будущего, надо признать, в общем и целом весьма туманным.

*Если б младость знала,
Если б старость могла.*

Наиболее яркие провидцы свежо и категорично вопрошают «Что делать? Кто сделает?» Судя по всему многих не только впечатляет, но и вдохновляет на писанину «мимо проходящие с равнодушными лицами» субъекты «Безразличный мир с пачкотней и плевками, порождающий «готовых услужить, но не помочь, выслушать, но не услышать» - русскому человеку быстро приедается, а потому даже без особого опыта на инилых чувственных формах формируется закономерный вывод – настоящее само расчищает место для нового, а то будто и таится во тьме, но явственно и четко очерчено Увидящий, да увидит. Чувствующий – почувствует в дыхании матери – дыхание Родины Слов нет, гармоничное сочетание рационального с иррациональным не может соперничать и оставляет далеко позади чувственные средства познания и чувственные образы.

Русь, Русь! Куда несешься ты? Дай ответ!

19 век – не 20-й, 20-й не 21-й
лучше старое плюс лучшее новое, учение свет, а неучение тьма, еще немного, еще чуть-чуть и с таким содружеством ощущений методов и средств, с новыми чернышевскими и русскими гегелями мы, верю, увидим Ее и создадим - эту новую русскую реальность
Эх! Где тот левый дядя, чтоб за нас грешных все сварганил

Алексей Александрович Шульгин (1957-2001)

Художник. Поэт. Организатор музыкально-литературных вечеров в Череповце. Цель деятельности А.А.Шульгина заключалась в том, чтобы объединить творческих личностей. Литературный салон «Окраина» продолжает то, что он начал.

«Так от гроба к гробу – круговая порука нашей верности мертвым».
(«Твоя смерть»)

М.Цветаева)

Памяти Алексея Шульгина

Когда я узнала, что его уже нет (а узнала слишком поздно – после похорон), не поверила, как и многие. это какая-то жестокая шутка! Но после – мысль: он, искрометный и яркий, не мог так жестоко, потому что не в его стиле. Вторая мысль: он ушел, уплыл, улетел, - все, что угодно! – только не умер. Это последнее слово (итог, эпитафия) не для него... Он где-то там, на большом корабле – капитаном.

Такая смерть нелепа, безрассудна, слепа... Но откуда всем нам знать, что она такова? Что она должна быть торжественной, рассудительной, правильной – в 80 лет, дома, в теплой постели, рядом жена и сын попеременно подносящие больному морсик. Он – так – не умел. И никаких итогов не подводил, - взошел на другой корабль. 25.06. случайно (а случайно ли?) мы встретились. «Я скоро напишу такой шедевр, Алена!» Написал. (По-твоему, Леша, смерть – это шедевр?)

Можно долго и нудно говорить о его легкости и несерьезности по отношению ко всему. Но, согласитесь, - превратить нашу серую будничную череповецкую жизнь в маскарад и взять на этом маскараде себе роль короля и одновременно шута, - способен далеко не каждый. Не каждому дана эта безупречная гармония: соединенье бесшабашной, кидаемой во все прорывы, души и яркой могучей, даже великой внешности. Им можно и нужно было только любоваться. Человек-гигант (как и его лестница в небо, которую он хотел построить)

После этих слов меня не поймет только тот, кого Леша не коснулся – значит, не заметил (выводы делайте сами).

А теперь у всех нас, перенесших это его отплытие, жизнь разделилась на «до» и «после». Потому что его дом был открыт каждому. В реальной жизни остался только вопрос, на который не ответит даже время: кто будет организатором всех тех вечеров и праздников, которые устраивал он?!

И последнее: символ. Ушел накануне дня молодежи, пригласив всех ехать вместе с ним на пикник. «Пикник» удался, Леша. Вот только водка на этот раз была с привкусом слез.

АЛЕНА РОДИНА

ПЕРВОРОЖДЕННОЕ ЛИТТВОРЧЕСТВО –

необозримодрагоценный и уникальный источник познания
для Разумного Человека.

Правда, для большинства из нас он так же малоизвестен, как инопланетяне.

Цивилизованный народ в действующем наличии довольствуется представлениями о мифологических сказках, эпосе, быличках, составленными на основе детских впечатлений от соответственно адаптированных текстов.

Даже научная литература частенько подвергается адаптации: в данном случае со стороны цензуры, цивилизованной идеологии и цивилизованного общественного мнения

Короче, мифотворчество предков мы равно и не знаем!

И, как следствие – не используем!

Цивилизация патологически больна тараканьими гонками за бесплодной, так как беспочвенной, Идеей. Она избирательно выдергивает из опыта предков то, что дает прибыль

Потому цивилизацию не впечатляет глобальное, доведенное до уровня философских обобщений, внимание первобытных умов к внешне примитивным, повседневным вопросам (например, зачем нужны вши?), но, по сути, более жизненно необходимым. Так как суть этих «примитивных» вопросов обусловлена центральными биологическими и социальными программами.

Но тем и значимо мифологическое относительное – что призвано уравновесить вопреки извращенному цивилизованному уму абсолютистски педантичные замашки Правильной Цивилизации с ее Правильными Идеями. Идеалы опасны – они лишены недостатков. Конечно, без Абсолютов и Идей человеческое общество не сможет жить, оно с ними неразрывно связано. Но Абсолюты и Идеи не должны подменять подлинного естественного существования. Они должны согласовываться с природными закономерностями, а не пичкать людей имитациями жизни.

Красота подделки, к счастью, не может скрыть от умного человека ее глубинной примитивности и ограниченности. Жизнь нельзя подогнать под схему.

В естественном порядке природы обязанности нет, как нет ее и в первобытных мифах. Но зато Первые говорили открыто о том, что мы сейчас предпочитаем умалчивать. Непосредственность в передаче и анализе событий может помочь современным людям увидеть свои плохие стороны, которые от нас, цивилизованных, завуалированы цивилизованными ухищрениями и красивыми словами.

Предлагаем вашему вниманию «черный юмор предков» из Южной Америки.

Зацените!

И да поможет Опыт Предков избавиться вам от собственных ошибок.

И.А.ДАНИЛОВА

Озеро

(миф индейцев Шаванте)

«Пора поджигать!»

– крикнул кто-то

Охотники рассыпались цепью и стали ждать, когда из горящей травы начнет выскакивать дичь. Левым концом цепь примыкала к берегу озера, которая

отрезала животным путь к бегству
 «А все же мне это место не нравится!» - вдруг заявил молодой загонщик
 – «На том берегу можно устроить охоту получше!»
 Он вышел из общего ряда, направляясь к воде
 «С ума спятил, озеро кишит анакондами!» - предупреждали товарищи, но индеец не слушал. Не успел он доплыть до середины, как стал звать на помощь. Однако гул огня заглушал его крики. Вскоре на поверхности плавали одни только деревянные дровки стрел.
 Вечером люди вернулись в лагерь, нагруженные мясом
 «Все пришли?» - спросил старейшина.
 «Одного нет», - отвечали другие – «Он собирался плыть на ту сторону. Похоже, его анаконда съела».
 «Утром пойдем искать. Все пойдут?»
 «Все, все!» - закричали охотники.
 Прошла ночь.
 «Смотрите, там что-то плавает», - заметил высокий индеец, всматриваясь в гладь озера.
 «Это анаконда. Она когда проглотит добычу, не прячется».
 Люди гурьбой бросились в воду, вцепились в змею и выволокли ее на берег. Здесь ей распорали живот. Части проглоченного тела были перетерты и смяты, но опознать их все-таки удалось. Эти раздавленные куски индейцы принесли в лагерь вместе с мясом анаконды. Дома наелись как никогда: съели и змею и проглоченного товарища.
 «Ну, что, отдохнем здесь еще денек?» - предложил один из охотников, удовлетворенно потирая живот.
 И они остались еще на день.

Текст мифа приводится по изданию:
 Мифы индейцев Южной Америки. Изд-во Европейского Дома, СПб, 1994.
 составитель Ю.Е.Березкин

О сборнике Вадима Элефантова «Антимир»

Вышел сборник... Да вышел ли? Что можно сказать о сборнике тиражом...

даже смешно сказать каким тиражом!

Тем не менее, сборник вышел. Потому что это событие в мире идей, а не в мире полиграфической продукции.

Из вступительной статьи:

«Истинным поэтом является не тот, кто предсказывает будущее (мы же не Сивиллы какие-нибудь!), а тот, кто умеет разглядеть Настоящее. Большинство людей идут в Настоящее со стереотипами из Прошлого. Они примеряют их и Новой Жизни, и не могут понять её».

Если сказано, что поэт – зеркало эпохи, то это сказано именно в этом смысле. Глядя в него, мы видим то, что вокруг нас. Видим и ужасаемся. Зеркало Вадима Элефантова отражает мир, в котором нет места для человека.

«Жернова времени в костную муку перемолачивают наши души, рачительно приготовленные на удобрение стерильных всходов»
 («Неумолимое Завтра»).

Стихи из сборника «Антимир»:

Неутомимое завтра

Машинерия выхланивает тистные рукописи
 Наши следы – атавизмы неустroенных душ.
 Колесница прогресса неотвратимо мчится
 К лику Великого и сурового Завтра.
 К неутомимому повому Сфинксу с новой загадкой
 Как кролики, цепенеющие под взглядом удава –
 Аголизирующие рабы науки – люди
 На их спинах готовят алтарь
 Жестоких экспериментов параноидального Разума
 Жернова времени в костную муку перемалчивают наши души.
 Рачительно приготовленные на удобрение
 Безучастных стерильных входов

На орбите солнечный ветер ласкает электрическое сердце,
 Укрытое в раковине ржавых доспехов Машинного Разума

Дождь в осени

Бродяги-корсары, осенние улицы...
 Так хорошо и так одиноко
 По городу ползать на палу с дождем
 Без зонтика, цели и сожаления.

Думать о том, как стану я физиком:
 Выведу формулы новых законов,
 Заведу себе дом, жену и собаку,
 Но разучусь играть на гитаре

Глупые басни карточных домиков,
 По лицам пустым алкоголиков-хроников
 По люди идут, они мне мешают
 Побывать одному

Но дворник-сентябрь по имени Дождь
 Морозящей метлой
 Расчистит мне путь
 Подруга моя – Ксенофобия

Темнота

/поэтическая новелла/

Когда человек своим мысленным взором
 ПЫГАЕТСЯ ПРОНИКНУТЬ ЗА ПРЕДЕЛЫ
 ОГРАНИЧЕННОГО ПОЗНАНИЯ.

Огромный Черный Всадник стеной возникает перед ним
 Темнота...

И такими хилыми кажутся руки человечьи,
 Дерзновенно сжимающие Сверкающее
 Копье познания...

Подкашивающиеся ноги и вздрагивающие плечи.

Темнота...

А за спиной Грозного Всадника –
 Бесконечность просторов гармонии,
 И вселенское Древо Вечной Жизни.

Но... как беспощаден насмешливый взгляд!

Темнота...

Но человек, сжимающий
 Сверкающее Копье, говорит:
 «Победа будет за нами».

Он знает, что говорит.

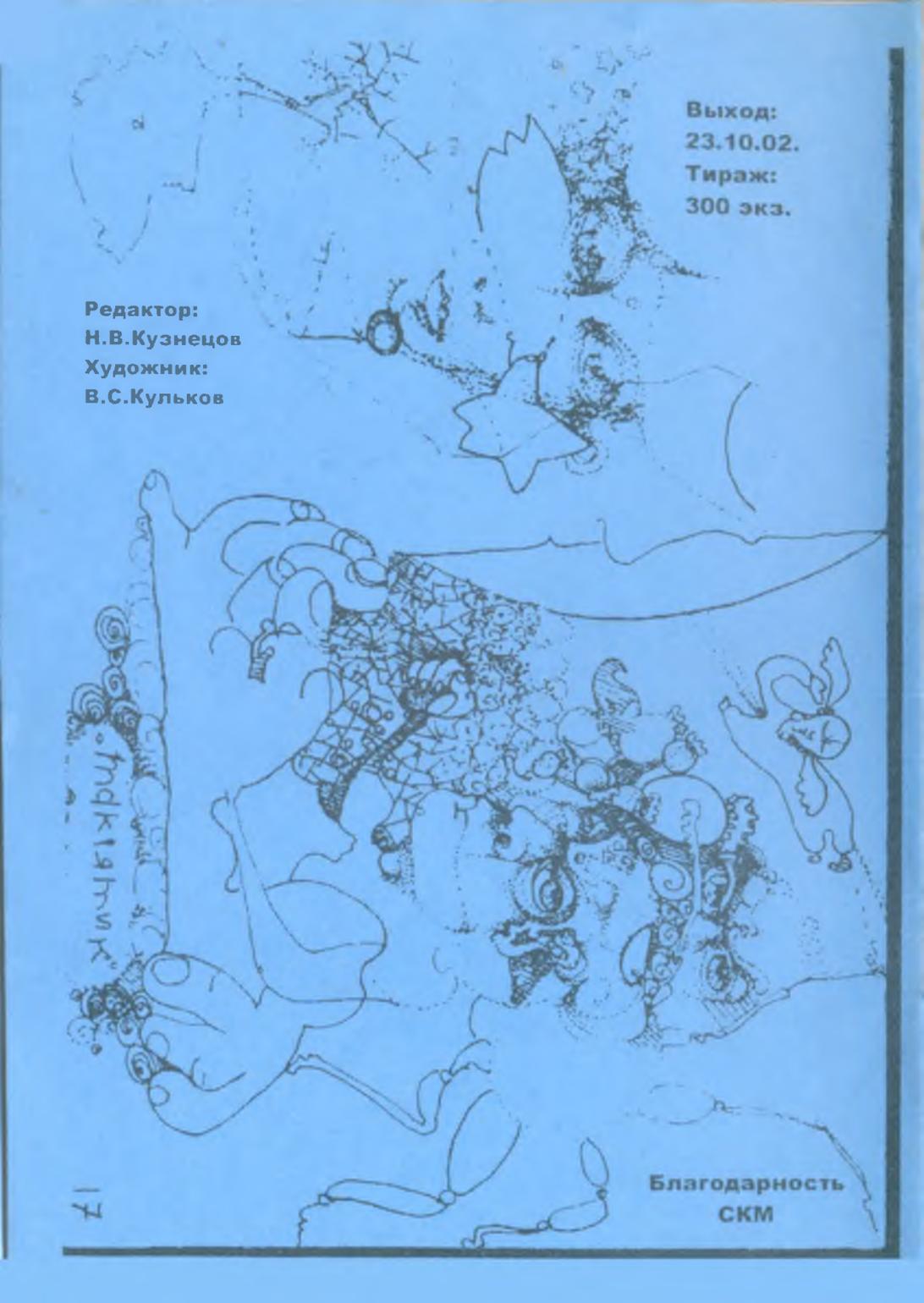
Галатея

Дай мне краски и холст и бокал голубого вина,
 Целомудрия звезд зазеркальный ковер.
 Для танцующей кисти шестину старинного льна
 И аркадских лугов первозданный простор.
 Я придумаю мир на этом свяшенном холсте.
 Вымрут боги небес от зависти к нам.
 С бородой до колен, древний эпит на зеленом холме
 Сяду я... Поплыву по загадочным снам
 Уплыву по напевам нагих сельских дев
 В шум дубравы, встра и трелн ручья.
 Где звенит в унисон комариный напсв,
 И ничто, даже звезды, и те – не разбудят меня.
 И я буду сидеть, словно вечность и ждть
 Начало конца, что придет незаметно.
 Будет тихая девушка робко мечтать
 О самом любимом, о самом заветном
 Пусть она одержима, весною больна,
 Кисть, начни оживляюще-солнечный бег!
 В танце звезд
 Нежный взрыв голубого вина,
 Песни эльфов, цветы и нетающий снег
 Галатея...

Синяя птица
В алой рябине
Церные ягоды
Ест.

Белка рыжая
В центре дуба
Нюхает кору.

Осень:
Лень
Уснул.

Выход:
23.10.02.
Тираж:
300 экз.

Редактор:
Н.В.Кузнецов
Художник:
В.С.Кульков

Благодарность
СКМ